

ДАНИ КЕЙН

ИМ БЫЛО 23

*Они не разлюбили друг друга сразу.
Они просто не смогли вовремя заговорить.*

Дани Кейн
Им было 23

«Автор»

2026

Кейн Д.

Им было 23 / Д. Кейн — «Автор», 2026

Данил увидел Майю рядом с другим и ушёл, не дослушав. Она пыталась объяснить, потом разозлилась. На этом разговор закончился. Два года вместе — нет. Теперь Данил почти не ест, пропадает в боксёрском зале и берётся за любую работу в гараже, лишь бы не возвращаться в пустую квартиру. Рядом с ним Алёна. Она любит его, замечает каждое потепление и всё чаще спрашивает себя, есть ли в этих отношениях место для неё. Майя снимает квартиру, работает в копицентре и старается не обсуждать Данила с подругами. Но его голос вспоминается в самые неподходящие минуты: у двери с тяжёлыми пакетами, над старым макетом, за ужином. Им по двадцать три. Они ещё могут написать друг другу. Только сначала придётся понять, чего они ждут от ответа. Они не разлюбили друг друга сразу. Они просто не смогли вовремя заговорить.

© Кейн Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Ночной дождь	7
Глава 2. Рука на перилах	9
Глава 3. Мёртвая рука	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Дани Кейн

Им было 23

Пролог

Данил толкает подъездную дверь и выходит под дождь. На крыльце задерживается, будто забыл что-то наверху. Дверь за спиной медленно возвращается на место, потом хлопает — доводчик давно сломан.

Он спускается во двор. Над дорожкой горит жёлтый фонарь, у бордюра собралась вода. Данил наступает в неё, чувствует холод через кроссовок и только тогда замечает, куда идёт. Домой нужно в другую сторону.

Он останавливается. Расстёгивает бомбер, тянет ворот футболки. В груди тесно, вдох всё время обрывается, сколько ни пытайся набрать воздуха. На тренировках бывало, что после удара не мог разогнуться, но сейчас никто его не бил.

Из подъезда никто не выходит. Он успевает дважды посмотреть на дверь, прежде чем заставляет себя отвернуться.

Майя осталась там.

Данил прикладывает ладонь к груди, растирает через футболку. Наверное, надо сесть. У подъезда есть скамейка, но возвращаться к ней он не хочет: если Майя всё-таки выйдет, увидит его таким. Придётся поднять голову, что-нибудь ответить.

Он идёт к арке. Дождь уже промочил волосы, вода забирается за воротник. Бомбер липнет к плечам. В арке сухо только посередине; Данил проходит глубже и опирается рукой о кирпичную стену. Стоит, наклонившись, пока не начинает нить запястье.

Перед глазами всё ещё балкон. Люди с бокалами, музыка из комнаты. Кто-то смеётся совсем рядом, а он смотрит на Майю и не может отвести взгляд.

Что она сказала потом?

Данил пытается вспомнить. Он видел, что она говорит, но в голове осталось только собственное: уйти отсюда, скорее.

Он достаёт телефон. Со второго раза попадает в переписку, вытирает мокрый экран рукавом. Вверху её имя. Ниже — сообщения, которые ещё несколько часов назад можно было читать спокойно.

«Зач».

Данил стирает буквы. Набирает «Пого», и телефон сразу предлагает: «Поговорим».

Он долго смотрит на это слово.

Можно вернуться. Он ещё недалеко ушёл. Подняться, позвать её, спросить нормально, без крика. Вот только придётся снова открыть ту дверь и увидеть всех, кто остался в квартире. И того человека тоже.

Данил стирает набранное.

Вспоминается Майя на кухне, летом. Она сидит возле открытого окна, смеётся, убирает волосы с лица. Он тогда что-то рассказывал ей, какую-то ерунду, и она всё перебивала вопросами. Он сердился, что не даёт закончить, хотя самому нравилось её смешить.

От этого воспоминания становится хуже. Данил гасит экран и засовывает телефон в карман.

— Почему я такой...

Он произносит это сквозь зубы, недоговаривает. Какой — такой? Что он вообще хочет от себя сейчас? Пойти обратно? Сделать вид, что ничего не было?

В животе громко урчит. Данил вспоминает, что собирался поесть у них, но так и не успел. На секунду ему становится стыдно даже за этот голод, будто сейчас нельзя думать о еде. Потом снова перехватывает дыхание, и всё остальное отступает.

Он выпрямляется, расстёгнутый бомбер цепляется за кирпич. Данил дёргает ткань, прижимает затылок к стене. Лишь бы удалось вдохнуть. Не нужно глубоко, пусть хоть как-нибудь.

За аркой проезжает машина. Он следит за ней, пока не гаснут красные огни, и замечает, что воздух понемногу проходит. Грудь ещё болит. Руки трясутся, особенно когда он пытается застегнуть молнию.

Данил оставляет её в покое. Стоит ещё немного, затем отходит от стены. До дома можно дойти пешком, там недалеко. Если станет хуже, сядет где-нибудь по дороге.

Им обоим было двадцать три.

Глава 1. Ночной дождь

Металлический звук закрывающейся двери сзади глухо бьёт по ушам. Это тяжёлая стальная дверь советской постройки с просевшей пружиной. Её удар не гаснет на улице — он отдаётся прямо в груди, под рёбрами. Данил вылезает из подъезда на мокрый асфальт и останавливается как вкопанный.

Ночь. Идёт мелкий холодный дождь, который моментально впитывается в ткань его бомбера, делает её тяжёлой и тёмной. Единственный жёлтый фонарь во дворе качается на растяжке между домами и отражается в лужах, похожих на разлитую мазутную плёнку. По краям тротуара стоят мокрые панельные пятиэтажки. В большинстве окон уже давно темно.

Данил стоит и не может сделать шаг. Его тело остановилось раньше, чем голова успела до конца понять и переварить то, что только что произошло там, на верхнем этаже. В горле застрял сухой воздух, внутри осталась только тяжёлая пустота. Капли дождя падают на лицо, стекают по лбу, попадают в глаза и затекают на губы. Он не моргает и не вытирает их. Пар изо рта вырывается короткими рваными толчками.

В голове крутится одна и та же мизансцена.

Минуту назад он поднялся по ступеням, открыл дверь и вышел на этот длинный открытый балкон, объединяющий квартиры на этаже. Вечеринка выплеснулась из тесной квартиры прямо сюда: дым от сигарет, громкие голоса, снизу доносится гул машин. В самом центре балкона стояла Майя. На ней было чёрное простое платье, длинные каштановые волосы растрепались от ветра.

Но рядом с ней стоял Вадим. Вадим нависал над ней, почти прижав к заграждению, и пытался взять за подбородок, тянулся поцеловать. Майя упиралась ладонями ему в грудь, отталкивала его и с раздражением говорила прямо в лицо: «Отодвинься, я кому сказала! У меня есть парень!».

Но Данил не услышал этих слов сквозь пьяное оранье компании и грохот музыки из динамиков. Он увидел только сам силуэт, чужие руки на её талии и то, как близко они стоят.

Когда Данил шагнул на балкон, Майя резко повернула голову. Их взгляды пересеклись на одну секунду. В её глазах мелькнул испуг, она открыла рот, чтобы что-то выкрикнуть, но Данил уже развернулся. Он не стал подходить, не стал разбираться, искать виноватых или бить Вадиму морду. Он просто шагнул обратно к лестнице.

Янтарь. Одна секунда из прошлого. Её смех. Окно на кухне открыто настежь, летний тёплый ветер путает её волосы. Она смотрит на него через плечо, на её носу видны мелкие веснушки, и она улыбается самой чистой улыбкой.

Снова серый дождь. Снова мокрый холодный асфальт.

Данил заставляет себя сделать первый шаг. Ноги ощущаются как чужие, они налились тяжестью, но он ускоряет ход, буквально сбегая с этого двора. Ступни мгновенно промокают в первой же глубокой луже, холодная вода затекает в кроссовки, но ему всё равно. Ему нужно просто двигаться вперёд, прочь от этого балкона.

Рука сама кладётся на грудь с левой стороны и давит через мокрую ткань бомбера. Пальцы впиваются в одежду до хруста суставов. Ему действительно физически больно. Грудь передавило так, словно на рёбра положили тяжёлый бетонный блок. Он дышит ртом, жадно и отрывисто.

Данил сворачивает в тёмный арочный проём между хрущёвками. Здесь нет окон, никто не может его видеть. Он прижимает затылок к холодным, влажным кирпичам.

Достаёт из кармана телефон. Голубое свечение экрана режет глаза в темноте арки. Он открывает мессенджер. Пальцы дрожат. Он начинает набирать «Май». Стирает. Набирает

«Зачем». Стирает снова. Пальцы путаются на сенсорной клавиатуре. Он злится на свои руки, потому что понимает: писать нечего и некому.

Данил нажимает кнопку блокировки. Свет гаснет.

— Почему так? — тихо спрашивает он в пустой арочный проём.

Ответа нет.

Никаких красивых речей из фильмов. Всё, что у него есть прямо сейчас, — это промокшая насквозь одежда, холодеющие пальцы и сырая кирпичная стена за спиной.

Данил отлепляет затылок от кирпичей и выходит из арки. Дождь усиливается, капли стучат по капотам припаркованных машин. Навстречу не попадает ни одного человека, только изредка по главной улице проезжает одинокое такси, разрезая фарами мокрую темноту. Он идёт на автомате к своему спальному району, где все дворы похожи один на другой.

Вот и его дом. Панельная пятиэтажка с обшарпанным фасадом. Данил подходит к подъезду, дёргает на себя тяжёлую металлическую дверь и шагает внутрь.

В подъезде пахнет сыростью, старой побелкой и кошачьим кормом. Под потолком на первом этаже горит тусклая лампочка, затянутая пыльной паутиной. Зелёная краска на стенах облупилась и пошла пузырями.

Данил делает три шага по бетонным ступеням, но ноги подкашиваются. Он просто валится спиной на зелёную стену и медленно сползает по ней вниз. Спина скользит по шершавому бетону, бомбер оставляет на побелке мокрый след. Данил садится прямо на грязный, холодный пол у основания лестницы.

Он подтягивает колени к груди, обнимает их руками и опускает голову.

Пальцы лезут в карман куртки и нащупывают пачку сигарет. Пачка мягкая, намокшая по краям. Данил достаёт одну, зажимает в губах и вытаскивает старую металлическую зажигалку. Колёсико прокручивается с сухим треском, высекая искры. Только с четвёртой попытки появляется язычок жёлтого пламени.

Данил затягивается. Горький дешёвый дым обжигает горло, но этот ожог перебивает тупую боль в груди. Он сидит, опираясь затылком о холодный бетон, и смотрит, как серый дым медленно поднимается к тусклой лампочке.

Слёзы выходят сами. Без всхлипов и рыданий. Они просто текут из глаз — горячие дорожки, которые смешиваются с дождевыми каплями на щеках. Он не издаёт ни единого звука, просто сидит с зажжённой сигаретой в руке и смотрит в одну точку.

Через пару минут находит злость. Злость на себя, на свою слабость, на то, что он сидит здесь на полу. Данил поднимает руку и жёстко вытирает правый глаз тыльной стороной ладони. Побелевшие костяшки врезаются в скулу. Потом так же жёстко вытирает левый глаз. Кулак сжимается с такой силой, что хрустят суставы. Он смотрит на свою мокрую ладонь и снова сжимает её в кулак.

Снаружи слышен шум дождя, а где-то на верхних этажах из трубы ритмично капает вода: кап, кап, кап. За закрытыми дверями квартир работает телевизор — там идёт чужая, нормальная жизнь. Людям за этими дверями всё равно, что происходит здесь, на бетонном полу.

Сигарета догорает сама по себе, огонёк подбирается к фильтру и начинает обжигать пальцы, но Данил даже не вздрагивает. Он смотрит прямо перед собой — на зелёную облупленную стену напротив.

— Ладно, — тихо произносит он в пустую темноту подъезда. Голос получается хриплым и сухим.

Обоим героям на тот момент было по двадцать три года.

Глава 2. Рука на перилах

Данил сидит у подножия лестницы в подъезде. Последнее слово ещё звучит у него в ушах: «Ладно».

Он гасит окурок о край ступени, опускает руки и упирается ладонями в мокрую ступеньку. Пальцы соскальзывают по грязи, но он встаёт. Колени хрустят, ноги дрожат. Джинсы спадают с бёдер, потому что за последние месяцы он сильно похудел.

Данил делает первый шаг и берётся за перила. Коричневая краска на них облупилась. Он сжимает металл так сильно, что костяшки пальцев белеют.

Он поднимается выше. Подошвы кроссовок чавкают по мокрому бетону. На втором этаже пахнет жареной картошкой. Из-за двери слышно, как работает телевизор.

На третьем этаже Данил останавливается перевести дыхание. Он опирается плечом о зелёную стену. Пар изо рта идёт клубами. Он смотрит на свои мокрые пальцы со ссадиной на костяшке.

На четвёртом этаже лампочка перегорела. Данил идёт в темноте, держась за перила.

На пятом этаже он подходит к своей двери. Долго достаёт ключи из кармана бомбера. Пальцы не слушаются и путаются. Он вставляет ключ в замок и поворачивает его со второго раза.

В квартире темно. Данил не включает свет и не разувается. Он проходит в комнату и падает на диван лицом вниз.

Бомбер пахнет дождём и сигаретами. За окном стучат капли по жестяному отливу. Данил закрывает глаза и вспоминает июнь, открытое окно на кухне и Майю. Он утыкается лицом в подушку и стискивает зубы.

Утром за окном серый туман. Данил открывает глаза. Сухость в горле режет, в голове гудит боль. Он садится на край дивана и подтягивает спадающие штаны. На костяшке правой руки ссадина подсохла.

«Ладно», — говорит он в пустую комнату.

За окном грохочут трамваи и дворник скребёт асфальт. Данил идёт в ванную и умывается холодной водой. В зеркале у него синяки под глазами и белеет шрам над левой бровью.

Данил скидывает мокрый бомбер, снимает джинсы и кроссовки, надевает старое серое худи с вытянутым капюшоном и потёртые спортивные штаны. Снова натягивает подсохшие кроссовки. Берёт спортивную сумку и выходит на улицу.

Воздух на улице ледяной и сырой. Дождь прекратился, но асфальт всё ещё блестит. Из рта вырываются густые клубы пара.

Данил идёт быстро. Голова опущена. Навстречу попадают редкие прохожие, но он не смотрит им в лица. Он огибает спальный квартал, сворачивает за углом промтоварного магазина и проходит во двор хрущёвок, где находится неприметный спуск в подвал.

Это подвальный боксёрский зал. Простая металлическая дверь с облупившейся синей краской. Данил толкает дверь и спускается по бетонным ступеням вниз.

В небольшом углу комнаты дядя Витя наливает кипяток из потускневшего электрического чайника в кружку старомодного вида. Данил не здоровается; вместо этого он подходит к деревянной скамейке у стены, ставит сумку и перешнуровывает кроссовки.

Дядя Витя пьёт чай и пристально смотрит на Захарова; он замечает, что щёки Захарова впалые, плечи опущены, глаза пустые, а на правой руке ссадина на костяшке пальца.

Хриплым голосом тренер спрашивает: «Захаров, ты сбежал из морга или тебя сбил поезд?»

Данил не поднимает глаз; он завязывает узел, достаёт из спортивной сумки эластичные боксёрские бинты. Он тихо говорит: «Всё в порядке».

Дядя Витя встаёт из-за стола и направляется к рингу. «Выглядишь как труп. Ты пришёл тренироваться или просто чтобы чем-нибудь удариться головой?» — спрашивает он.

Данил начинает перевязывать правую руку бинтом. Бинт обхватывает его костяшки пальцев и закрывает ссадину. Данил затягивает бинт слишком туго. «Дядя Витя, я не хочу об этом говорить; просто дай мне потренироваться».

Закончив бинтовать обе руки, он надевает снарядные перчатки и подходит к тяжёлой кожаной груше. Данил бьёт по ней: левый джеб, потом правый прямой. В локте отдаётся боль, но он продолжает наносить удары: двойка, тройка, шаг в сторону. Он бьёт всё быстрее и сильнее, пока дыхание не сбивается. Пот каплет на резиновый пол, цепь над грушей скрипит.

Данил бьёт до тех пор, пока руки не опускаются от усталости. Он упирается лбом в грушу и тяжело дышит.

Дядя Витя смотрит на него и тихо спрашивает: «Всё?»

Данил отвечает: «Всё. На сегодня всё».

Глава 3. Мёртвая рука

Проходит два месяца.

Данил просыпается в семь утра. В комнате серо и холодно. Он лежит на диване в одежде. На нём всё то же серое худи и спортивные штаны. Он встаёт, подходит к окну и смотрит во двор. На улице висит туман. Деревья стоят голые, под ними лежат мокрые листья.

Данил идёт в ванную. Включает кран, намыливает руки обмылком и смывает мыло. Смотрит в зеркало. Синяки под глазами стали темнее, щёки впали ещё сильнее. Он брызгает холодной водой на лицо и вытирает его старым полотенцем.

Он возвращается в комнату, подтягивает штаны на бёдрах и надевает подсохшие кроссовки. Завязывает шнурки на два узла. Достает из кармана бомбера телефон. Экран чистый, сообщений и звонков нет. Он перекладывает телефон в карман худи, берёт ключи и пакет с ботинком, выходит из квартиры и закрывает замок со второго раза.

Данил спускается по лестнице. В подъезде пахнет сыростью. Он не держится за перила, просто быстро идёт вниз по бетонным ступеням. Выходит на улицу.

Воздух на улице ледяной и сырой. Ветер дует в лицо. Данил натягивает капюшон на голову, суёт свободную руку глубоко в карман худи и идёт в сторону автобусной остановки. Он шагает быстро, чеканя шаг по мокрому асфальту. Навстречу идут люди, они спешат на работу, но Данил не смотрит им в лица. Он смотрит себе под ноги.

На остановке стоит десяток человек. Данил встаёт сбоку, у столба. Подходит старый жёлтый автобус. Двери открываются со скрипом. Данил входит в салон последним. Внутри тепло и пахнет мокрой одеждой. Он встаёт у заднего окна и опирается плечом о поручень.

Автобус трогается. За окном проезжают одинаковые серые панельные дома, закрытые магазины и пустые скверы. Данил достаёт телефон, смотрит на пустой экран и снова убирает его. Мужчина в синей куртке задевает его локтем, но Данил даже не поворачивает головы.

Через двадцать минут автобус останавливается в центре города. Данил выходит на тротуар. Здесь больше машин и шумнее. Он огибает крупный торговый центр и сворачивает в тихий двор за ним. Во дворе стоят гаражи и старые хрущёвки.

Данил подходит к неприметной двери в цокольном этаже. На дверях висит табличка с надписью «Ремонт обуви и ключи». Он толкает дверь и спускается по трём бетонным ступеням.

В подвале горит тусклая лампочка. Пахнет клеем, кожей и пылью. За деревянным верстаком сидит пожилой мастер в синем фартуке. На столе у него лежат молотки, гвозди и старые сапоги.

Данил подходит к верстаку и вытаскивает из пакета старый кожаный ботинок с ободраным каблуком.

— Мне нужно набойку сделать, — говорит Данил. Голос звучит сухо и тихо.

Мастер откладывает молоток, берёт ботинок и поворачивает его под лампой.

— Стёр совсем, — говорит мастер. — К четырём сделаю. Зайдёшь.

Данил достаёт из кармана бумажные деньги, кладёт их на верстак, берёт квитанцию, убирает пустой пакет в карман и молча выходит из подвала.

До встречи с Алёной ещё несколько часов. Данил бродит по центру, заходит погреться в торговый центр. Когда пора идти к фонтану, он задерживается у перехода.

Он возвращается на главную улицу и идёт по бульвару. На деревьях почти не осталось листьев. Ветер гоняет мусор по асфальту.

На деревянной скамейке у закрытого фонтана сидит девушка. На ней бежевое пальто, тёмные брюки и короткий вязаный шарф. В руках она держит бумажный стаканчик с кофе. Это Алёна. Она смотрит по сторонам, замечает Данила и встаёт со скамейки.

Данил подходит к ней и останавливается в метре. Руки остаются глубоко в карманах.

— Привет, — говорит Алёна.

— Привет, — отвечает Данил.

— Ты опоздал на пятнадцать минут, — говорит она и делает маленький глоток из стаканчика.

— На светофоре долго стоял, — говорит Данил.

Алёна пристально смотрит на его лицо. Она рассматривает впалые щёки, сухие губы и, когда он вынимает руку из кармана, тёмную ссадину на костяшке.

— Ты опять был в том подвале? — спрашивает она.

— Был, — отвечает он.

— Данил, ты обещал, что перестанешь туда ходить каждый день.

— Я просто бью грушу, — говорит Данил и смотрит в сторону.

Они поворачивают и медленно идут по аллее бульвара. Алёна поправляет шарф на шее и начинает говорить. Она рассказывает, что на работе поменяли график, что теперь приходится оставаться до восьми вечера. Говорит, что хозяйка квартиры подняла плату за аренду и поэтому в конце месяца придётся искать новое жильё.

Данил идёт рядом. Он смотрит строго перед собой на серый асфальт. Он слышит её голос, но слова пролетают мимо. В голове пусто.

— Ты меня вообще слышишь? — Алёна останавливается прямо посреди дорожки.

Данил делает ещё шаг и тоже останавливается.

— Слышу. Ты сказала про квартиру и про график.

— Данил, ты выглядишь как тень, — говорит Алёна. Голос у неё становится громче. — Ты нормальную еду ел сегодня?

— Ел, — врёт Данил.

— Что ты ел?

Данил молчит и смотрит на её бежевые сапоги.

— Ничего ты не ел, — вздыхает Алёна. Она качает головой и перехватывает стаканчик с кофе в левую руку.

Они доходят до края бульвара, где расположен пешеходный переход. Горит красный сигнал светофора. У края тротуара стоят несколько человек с зонтами, хотя дождя нет. Проезжают легковушки и грузовики.

Алёна поворачивается к Данилу. Она протягивает свою правую руку и берёт его за правую ладонь, которая висит вдоль тела.

Рука Данила сухая, холодная и абсолютно неподвижная. Пальцы не сжимаются в ответ. Они остаются прямыми и твёрдыми, как деревянные палочки. Алёна пытается сжать его ладонь сильнее, но Данил просто стоит и смотрит на проезжающие машины. Его пальцы не реагируют на её прикосновение.

Алёна держит его руку несколько секунд, потом резко отпускает.

— У тебя рука как мёртвая, — тихо говорит она. В её голосе слышится досада.

Данил поднимает правую руку, смотрит на содранную костяшку пальца и опускает руку обратно в карман худи.

— Она просто занемела на холоде, — говорит он.

Загорается зелёный свет светофора. Люди на тротуаре начинают движение. Данил и Алёна переходят дорогу и идут в сторону остановки.

Они подходят к остановке. Алёна допивает кофе и выбрасывает пустой стаканчик в урну.

— Я поеду к сестре, — говорит она. — Ей нужно помочь с вещами.

— Ладно, — отвечает Данил.

— Ты пойдёшь домой?

— Зайду в ремонт, заберу ботинок, потом пойду домой.

Алёна смотрит на него ещё несколько секунд. Она хочет что-то сказать, открывает рот, но потом машет рукой и отворачивается. Подходит её троллейбус. Она входит в заднюю дверь, двери закрываются, и троллейбус уезжает.

Данил остаётся один на остановке. Ветер становится сильнее. Он разворачивается и идёт обратно во двор за торговым центром.

Он спускается в подвал ремонта обуви. В помещении всё так же пахнет клеем. Мастер сидит за верстаком и забивает маленький гвоздь в каблук.

— Готов? — спрашивает Данил.

— Готово, — говорит мастер. Он берёт с полки ботинок, на котором стоит свежая чёрная резиновая набойка, и кладёт его на стол.

Данил берёт ботинок, проверяет каблук пальцем. Набойка держится крепко. Он засовывает ботинок в пакет, берёт пакет в левую руку и говорит:

— Спасибо.

— Носи на здоровье, — отвечает мастер, не поднимая головы от работы.

Данил выходит на улицу. Небо стало совсем тёмным, хотя сейчас только четыре часа дня. Начинает капать мелкий холодный дождь. Капли падают на асфальт и на капюшон его худи.

Данил идёт к остановке, садится в автобус и едет обратно в свой спальный район.

Он выходит на своей остановке. Покупает в киоске буханку хлеба и пакет молока. Заходит в магазин «Промтовары», покупает рулон серых мусорных пакетов и пачку дешёвого стирального порошка.

Данил идёт по двору среди пятиэтажных хрущёвок. Проходит мимо синей металлической двери подвального зала. Из подвала не доносится никаких звуков. Зал закрыт.

Данил подходит к своему подъезду, толкает тяжёлую дверь и заходит внутрь. В подъезде горит тусклая лампочка под потолком. Он поднимается на пятый этаж, не держась за перила.

Он достаёт ключи, открывает обитую серым дерматином дверь и входит в квартиру.

В прихожей темно и холодно. Данил разувается, снимает кроссовки и ставит их у стены. Заносит пакет с ботинком и едой на кухню.

На кухне стоит старый холодильник, стол и два табурета. Данил включает свет. Голая лампочка под потолком ярко вспыхивает. Он кладёт хлеб и молоко на стол, вытаскивает из пакета отремонтированный ботинок и ставит его на пол у входа.

Данил открывает холодильник. Внутри пусто: стоит только полбанки старой майонезной заправки и пачка сливочного масла. Он ставит молоко на полку и закрывает дверцу.

Он наливает в эмалированный ковш воду из-под крана и ставит его на газовую плиту. Зажигает конфорку. Спичка вспыхивает и гаснет.

Пока вода греется, Данил проходит в комнату. В комнате стоят диван, старый шкаф и стол, на котором лежит закрытый ноутбук. На ковре валяются скомканные чеки и пустые пачки из-под сигарет.

Данил берёт серый мусорный пакет, ходит по комнате и собирает с пола весь мусор. Он бросает в пакет пачки, чеки, обрывки бумаги и сухие салфетки. Потом подходит к шкафу, открывает дверцу. На полке лежат вещи Майи: старая зелёная футболка, пластмассовая расчёска и маленькая баночка из-под крема.

Данил стоит перед открытым шкафом. Он смотрит на зелёную футболку. Потом протягивает руку, берёт футболку, расчёску и баночку и бросает их в мусорный пакет. Завязывает пакет на узел и ставит его в прихожей у двери.

На кухне закипает вода в ковше. Данил возвращается, выключает газ. Насыпает в кружку две ложки растворимого кофе, заливает кипятком. Отрезает кусок хлеба, намазывает его маслом.

Он садится на табурет и ест хлеб, запивая горячим чёрным кофе. Еда кажется безвкусной, как вата, но он жуёт и глотает каждый кусок.

Закончив есть, Данил моет кружку и ковш под краном. Вытирает руки о штаны.

Он возвращается в комнату, подходит к столу и открывает ноутбук. Экран загорается. На рабочем столе висят папки с текстами и фотографиями. Данил выделяет папку с названием «Майя» и нажимает Shift + Delete. Система спрашивает: «Удалить папку безвозвратно?». Данил нажимает кнопку «Да».

Папка исчезает. Корзина пуста.

Данил закрывает крышку ноутбука. Выключает свет на кухне и в прихожей.

Он проходит в комнату, ложится на диван в худи и штанах и укрывается старым пледом. За окном стучит дождь по жестяному отливу. Данил закрывает глаза. В голове темно и тихо. Никаких мыслей нет.

Он засыпает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.